

ПОБЕДА МОЖЕТ БЫТЬ ХУЖЕ ПОРАЖЕНИЯ

В качестве военного трофея Россия получит бомбу

Началась новая чеченская война. Вряд ли можно сомневаться, что она будет трудной и кровопролитной. Чеченское общество, разобщенное и дезорганизованное в мирное время, обладает поразительной способностью сплачиваться для борьбы с внешним врагом, когда соперничество «всех со всеми» замещается состязанием в воинской доблести. Я думаю, что после нового российского вторжения Аслан Масхадов смог даже облегченно вздохнуть — ситуация снова стала для него понятной, создавать государство и править им у него не очень-то получается, а воевать он умеет. И его соперники, другие полевые командиры, считающие, что они ничуть не хуже Масхадова и не обязаны ему подчиняться, становятся его товарищами по оружию. Умереть в бою с вечным врагом, борьба с которым составляет содержание всей письменной чеченской истории, попасть в рай и фольклорный круг героев, с которых «будут делать жизнь» следующие поколения чеченцев, для них значительно легче и проще, чем создавать упорядоченное государство. Поэтому загнанные в угол чеченцы, несомненно, будут вновь сопротивляться до последнего.

Однако дело не в трудностях и жертвах войны. Дело в другом. Думая о войне, боясь потерь, надеясь на победы, жалея наших солдат (а иногда и чеченцев), мы совершенно не думаем о самом важном — о том, что может нам дать победа и в чем она вообще может заключаться.

Любая победа над Чечней будет временной. Уничтожить чеченцев или выселить их за пределы Чечни Россия не сможет — и мы слабее (а возможно, и добрее), чем при царе или при Сталине, и мир не тот. Интегрировать чеченцев в российское общество после всего, что было, сделать Чечню нормальным «субъектом федерации» уже нельзя в принципе. Мирное сосуществование русских и чеченцев в рамках одного государства, маловероятное, но все же возможное до 1994 г., практически не вероятное, но не до конца исключенное даже после 1996 г. (какое-нибудь «ассоциированное членство» и «передача полномочий» были еще представимы), теперь, я думаю, исключено полностью.

Максимум, чего можно достичь, уничтожив очень много чеченцев и потеряв очень много своих, — установить в Чечне режим военной оккупации, что повлечет за собой значительную деформацию общероссийских институтов, фактический отказ от действующей Конституции и превращение России в «полицейско-криминальное» государство (шаги в этом направлении уже предпринимаются, и довольно успешно). Но даже такой ценой мы успокоим Чечню только на какое-то время. Если современные чеченцы воспитаны на памяти чеченского сопротивления прошлого века и сталинской депортации, то следующее поколение будет расти и на легендах об обороне Грозного, о подвигах Дудаева, Масхадова, Басаева и т. д. У этого поколения уже не будет никаких сомнений, что компромиссы и договоры с Россией невозможны.

Это делает практически неизбежным чеченский и му-сульманско-фундаменталистский террор, а через некоторое время — новое чеченское восстание, которое произойдет в условиях, более благоприятных для чеченцев (Шамиль в прошлом веке не мог взрывать бомбы в Москве и Петербурге, сейчас это довольно просто, через двадцать лет будет еще проще; численное

соотношение между чеченцами и русскими будет меняться в пользу чеченцев; международная ситуация и соотношение сил на мировой арене меняются так, что каждое следующее покорение Чечни будет труднее предыдущего). Конец при этом будет все равно тот же — Чечня вне России. Только заплатить придется неизмеримо больше. Поэтому покорение Чечни не только трудно, но и не нужно ни русскому народу, ни российскому государству. Это та победа, которая может оказаться хуже поражения. Покоренная Чечня — нечто вроде добытой в бою и гордо доставленной домой в виде трофея бомбы с часовым механизмом.

Что же нужно России в Чечне и от Чечни? Если оставить в стороне всякие иррациональные психологические факторы, действующие и на русских, и на чеченцев (недоверие, желание отомстить и показать, что ты силен и грозен, чисто инстинктивное нежелание отдавать что-либо «свое», даже если обладание им ничего, кроме бед, тебе не сулит и т. д.), если исходить из чисто рациональных интересов, причем не интересов российских и чеченских властно-криминальных кланов, а интересов наций — и русским, и чеченцам нужно одно и то же. Русским нужно «избавиться от Чечни» как дестабилизирующего и криминогенного фактора. Чеченцы, включая и большинство «пророссий-ской» оппозиции, мечтают о том же — избавиться от России, которая навечно соединена в чеченском сознании с истребительной войной прошлого века, с депортацией в Казахстан, а теперь еще — с двумя «ельцинскими» войнами. Народам с такой «общей судьбой», с таким опытом сосуществования разойтись необходимо, их совместная жизнь не просто трудна и мучительна для обоих — она уже просто немыслима.

Правда, для того чтобы действительно разойтись, необходимо создание упорядоченного, жизнеспособного и мирного чеченского государства, что для чеченцев, народа, не знавшего «настоящей» государственной традиции, не имевшего мощных исторических элит, разобщенного соперничеством тейпов и вирдов — задача очень сложная. Надо ли говорить, как усложнилась она за последние восемь лет? Однако многие народы на начальных этапах своего независимого развития проходили через аналогичные периоды анархии и разгула криминалитета, но выходили из них и создавали нормальные жизнеспособные государства. И я не думаю, что создание дееспособной чеченской государственности — задача более трудная, чем, например, построение правового, а не «клептократического» государства российского. Обе эти задачи — трудны, хотя и разрешимы. И обе они — теснейшим образом взаимосвязаны.

Россия теоретически могла сделать очень многое, чтобы помочь чеченцам в деле государственного строительства. Прежде всего мы могли и должны были бы убедить их, что не хотим больше удерживать Чечню насильно, во что поверить чеченцам невероятно трудно. Можно было уважительным отношением укреплять авторитет признанной нами законной чеченской власти. Можно было помочь чеченцам ввести свое гражданство, упорядочив тем самым их положение в России. Можно было определить условия нашего окончательного признания чеченской независимости (демократическая конституция, отвечающие определенным стандартам армия и полиция, заключение подробного соглашения о двусторонних отношениях, проведение необходимых референдумов и т. д.). Можно было не мешать, а помогать Чечне устанавливать связи с внешним миром, что цивилизовывало бы чеченскую элиту и вводило бы Чечню в нормальную систему отношений. Все это — очень непросто и могло не дать быстрых эффектов. Но это единственно возможный путь решения чеченской проблемы.

Главная трудность этого пути — не пороки чеченского общества и не вполне понятная нелюбовь русских к чеченцам. Главная трудность — в том, что нашей

правлящей «элите», единственной целью которой является самосохранение во власти, успокоившаяся и занятая строительством Чечня абсолютно не нужна.

Двусмысленное положение Чечни, дезорганизованность чеченского общества, наличие в нем экстремистских сил и несомненные связи этих сил с российскими спецслужбами и российскими криминальными миллиардерами (как всегда в таких случаях, каждая сторона думает, что она умно и ловко использует другую), предоставляют российской власти грандиозные возможности направлять события в Чечне и вокруг нее, а это значит — и в России в целом, в нужных ей направлениях, диктуемых меняющейся ситуацией и неизменным стремлением этой власти к самосохранению любой ценой.

Когда Ельцин решил, что победа над слабым противником и разыгрывание «имперской» карты нужны ему, чтобы взять верх над коммунистами, ему ничего не стоило начать войну. Когда война стала ненужной и даже вредной, президент позволил Лебедю ее прекратить, а затем, испугавшись, что мир будет связан в сознании народа с генералом, а не с ним, он сам заключил с Масхадовым договор о «вечном мире». Когда Ельцину потребовался преемник и он решил, что безопасность его семьи лучше гарантирует Путин, чем слишком мягкий Степашин, началась дагестанская война. Для организации ее надо было только чуть-чуть подтолкнуть вполне готовых к войне и не подчиняющихся Масхадову полевых командиров (предельную легкость такого подталкивания показывают телефонные разговоры Березовского с чеченцами), категорически отказаться от контактов с чеченским президентом и, может быть, вовремя отвести войска из Дагестана. Очень вероятно, что когда-нибудь мы узнаем, почему чеченский (или «ваххабитский») террор так легко вспыхнул и так быстро сошел на нет — как будто он был нужен только для того, чтобы наш премьер произнес ряд «жестких» фраз, поднимающих рейтинг, начал войну и продемонстрировал несколько подозрительную эффективность чекистов.

Сейчас Путин для Ельцина — единственный «преемник», которого он не боится, а для премьера победа в Чечне — средство выиграть выборы 2000 г. и надолго закрепить специфическую роль этой республики как орудия, которое всегда под рукой и с помощью которого он в дальнейшем всегда может опрокинуть планы своих внутренних врагов, резко изменив ситуацию в стране. Поэтому война в Чечне началась и будет идти до нашего поражения или нашей победы, которая только усугубит слабость российского государства и поможет сохранить ельцинский режим без Ельцина.

Противоестественные на первый взгляд дружеские контакты людей из президентского окружения с чеченскими экстремистами и исламистами на самом деле совершенно естественны. Эти люди нужны друг другу, они союзники. А мы и чеченцы — заложники друг у друга и заложники у них.